

ше в jeder Hinsicht konservativ ist und deshalb in den Lehnwörtern altgermanische Züge bewahrt blieben. Der Verfasser der vorliegenden Untersuchung konstatiert mit Vorbehalt, daß die Lehnwortforschung nur einen Aspekt der gesamten Erforschung des Ur- und Altgermanischen darstellen kann. Deshalb kann man von ihr keine entscheidende Antwort auf Fragen der ur- und altgermanischen Sprachwissenschaft erwarten. Vor allem nach M. Korhonen stellt T. Hofstra fest, daß sich der ostseefinnische Vokalismus wenig geändert habe. Deshalb kann man aus dem (Ur)finnischen wichtige Angaben über die frühere Existenz der urgermanischen kurzen und langen Vokale, einiger Suffixe usw. erhalten. Der letzte Absatz des achten Kapitels beinhaltet das Schlußwort des Verfassers. Er meint nämlich, daß es deshalb im Ostseefinnischen so viele altgermanische Lehnwörter gibt, weil das Germa-

nische eine Sprache mit höherem Prestige war.

Dem deutschsprachigen Texte des Werkes hat der Autor eine in Niederländisch verfaßte Zusammenfassung «Samenvatting» hinzugefügt (S. 423—439). (In diesem Text ist zu Wolgafins parallel auch Wolgaisch gebraucht worden.) Es gibt auch ein vollständiges Register der finnischen Wörter, die im Texte behandelt wurden (S. 463—472).

Als Rezensent kann der Unterzeichnete mit Überzeugung konstatieren, daß «Ostseefinnisch und Germanisch» von Tette Hofstra ein Werk von großer Bedeutung ist, in dem zahlreiche Angaben aus früheren Untersuchungen kritisch oder ergänzend einbezogen wurden. Für alle Forscher, die sich mit den germanischen und finnisch-ugrischen Beziehungen befassen, ist die Forschungsarbeit von Tette Hofstra eine unerschöpfliche Datenquelle.

PAUL ARISTE (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1986.3.11>

Ritva Liisa Pitkänen, Turunmaan saariston suomalaisen lainanimistö, Helsinki 1985 (SKST 418). 394 с.

Исследование Ритвы Лийсы Питкянен посвящено субстратной топонимике, топонимам финского происхождения в речупотреблении заселивших туркуские острова шведов. Неудобства, испытываемые при анализе заимствованных наименований, известны любому исследователю. Необходимо сразу подчеркнуть, что предлагаемые в рецензируемом труде методы и приемы анализа могут служить примером и для других исследователей подобного материала. Полученные Р. Л. Питкянен результаты свидетельствуют о том, что подход к решению проблем выбран удачно.

Как уже упоминалось, объектом исследования послужили топонимы туркуских островов — финские по происхождению. Шведское заселение этих островов насчитывает почти 1000 лет (XI—XII вв.). Именно на основе топонимов в первую очередь можно утверждать, что до прихода шведов на островах жили финны. Топонимы финского происхождения — это самые старые наименования на рассматриваемой территории. Автор отмечает (с. 29), что анализ субстратной топонимики

данного ареала по сути относится к исследованию частично шведского языка, частично — финского. Дело шведской ономастики — реконструкция наименований, финской — анализ и соотношение реконструированных форм с фоном (т. е. с топонимами финского языка). Автор рассматривает топонимы, а) явно финского происхождения или содержащие явно финские по происхождению элементы, б) имеющие в своем составе чуждые местному шведскому говору звуки, звукосочетания или элементы топонимов, в) уже располагающие финской этимологией. Р. Л. Питкянен проработала коллекции топонимов изучаемого ареала (70000 наименований). Среди них обнаружено более тысячи (1008) отвечающих перечисленным выше критериям. В качестве вспомогательного материала привлечены ранние формы наименований, которые встречаются в исторических документах и на картах. Для сопоставления использованы коллекции финских топонимов, прежде всего Юго-Западной, при необходимости — всей материковой части Финляндии. В определенной мере при сопоставлении

учтен и материал эстонских топонимов. Нельзя, конечно, забывать и о собранном автором в экспедициях материале, сделанных ею уточнениях в ходе наблюдений (каждое лето на протяжении десятилетия). Тем самым — представленный материал опробован на местах, он достоверен. Книга снабжена многими точными картами, большим количеством фотографий, причем снимки сделаны как с моря и земли, так и с воздуха.

Исследование субстратной топонимии и вообще заимствованных топонимов связано с целым рядом не вполне приятных задач. В рецензируемой работе примером этого может служить необходимость объяснить, как вывести современное шведское наименование *Eckran* из финской исходной формы **Eturanta*. Работа четко делится на две части: 1) реконструкция исходных форм современных топонимов и 2) лингвистический анализ реконструированных форм и выяснение фона. Для выявления исходных форм современных шведских топонимов Р. Л. Питкянен применила комплекс приемов, назвав его систематическим методом реконструкции. В основе его — установленное при наблюдениях положение: связанные с заимствованием топонимов изменения в форме наименований не уникальны, действительно не только в отношении отдельных топонимов, а происходят и в элементах наименования, и в группах звуков. Поддаются систематизации и изменения, связанные с заимствованием топонимов. Метод реконструкции имеет две стороны: анализ изменений слоговой структуры и рассмотрение звуковой субституции. Обе они базируются на изменениях, происшедших в топонимах. Автор называет даже правила субституции обобщением наблюдений. Последнее правило среди касающихся изменений слоговой структуры имеет порядковый номер 50 (Т 50). Поддача этих правил разделена на части: а) общая часть, посвященная слоговой структуре, б) изменения, касающиеся количества, в) изменения, обусловленные синкопой и апокопой. В порядковой нумерации отсутствуют правила 16—37. Они опущены в ходе шлифовки работы и материал их объединен с остальными правилами. Слоговые структуры передаются с помощью азбуки Морзе и буквенных символов, иллюстрируются примерами. Например, исходом встречаю-

щегося в шведском речепотреблении... CO-CO(C)-KO¹ могут быть .. — CO-CO(C)-COO (*tji-vi-mo* ← *ki-vi-maa*), CO-CO-COU (*ta-ka-so* ← *ta-ka-suo*); ... CO-CO-CUO-CO (*ri-ta-ne* → *ri-ta-nie-mi*); ... — CO-CO-COC-KOO (*ko-vär-mo* ← *ko-ve-rin-maa*) и т. д. Поддача правила по частям различна и последние разделены между собой текстом. Для удобства читателя в начале текста целесообразно было бы оговорить это и отдельные части правил объединить между собой отсылками. Большинство правил состоит из нескольких частей, например, S9a ö сохранился (*pöllön* ← *pöllö*), S9b ö: < jö (< yC) (*pö:jär* ← *pjö-* (← **pyhäjärvi*)... S9f ö < u (*körönem* ← **kuruniemi*). Каждому правилу ниспослан комментарий о звуковых изменениях, происшедших в шведском языке и шведском говоре туркусских островов, например, S9e ö < y (*höpös* < **hypö(i)stten*, *jörkk* ← **jyrkkä*) связано со свойственным древнешведскому языку и шведским диалектам общим понижением гласного. Таков же комментарий к приведенной выше субституции по поводу ö < u. Первые 16 правил связаны с гласными, остальные с согласными. Представляется очевидным, что оба комплекта правил оказались весьма полезными исследователю при анализе материала и избавлении от случайностей. В ходе работы правила дополнялись и уточнялись соответственно анализируемому материалу. Они, по крайней мере частично, применимы при изучении субстратной топонимии других ареалов.

Изложенный в работе метод предлагает несколько возможных исходов для одной современной формы наименования. Оценка альтернативных возможностей в работе отведен раздел из двух частей. Первая посвящена анализу старейших фиксаций, вторая — иным возможностям. Хотелось бы обратить внимание именно на вторую часть, где использован ряд приемов. Прежде всего заслуживает упоминания сопоставление с топонимами других ареалов, в первую очередь Юго-Западной Финляндии, и применение критерия распространенности при выборе наиболее

¹ O — краткий гласный, OO — долгий гласный, OU и UO — дифтонг, C — краткий согласный, CC — долгий согласный, K — второй компонент сочетания согласных.

достоверной исходной формы. Например, для элемента *Pen-* (*Pensor*, *Penlot* и т. д.) на основе формальных реконструкций возможны соответствия **Pieni*, **Pensas-* и **Pärnä*. Согласно критерию распространенности наиболее приемлемо последнее. Следует обратить внимание тех, кто в будущем собирается пользоваться результатами работы, и на небольшую неувязку: возраст всех топонимов рассматриваемого ареала — около 1000 лет, а среди привлеченных для сравнений топонимов многие относятся к прослойкам весьма разных возрастов.

Вторым существенным критерием являются учет типа объекта номинации (денотата) и выбор наиболее подходящей из альтернативных возможностей. Уже во введении автор подчеркнула, что выяснение денотата (объекта номинации) часто бывает решающим при оценке возможной этимологии. Здесь в дополнение к данным современных наблюдений использована реконструкция ландшафта 1000-летней давности (при необходимости — и более древнего). На островах уровень земли каждые 100 лет поднимается на 50 см. Тем самым с помощью 5-метровой линии высоты можно нанести на карту форму, величину и расположение островов, заливов, полуостровов и т. д. 1000 лет назад. Этот прием использован как в этой главе, так и в других разделах работы.

Автор отмечает, что исследование меняет свой облик, когда приходится выбирать между альтернативными возможностями. Как отмечено во введении, реконструкция наименований отнесена автором к шведскому языкознанию, а работа с реконструированными формами — к финскому, точнее — к ономастике. С выбора альтернативной возможности начинается обычная ономастическая этимологизация. Возможно, так это и есть. Некоторое сомнение вызывает вопрос: сумеем ли мы четко провести границу. Во всяком случае первое чтение точного представления о том, где же рубеж между шведским и финским языкознанием в этой области, не дает. Можно ли с помощью средств шведского языкознания от топонимов *Kejtsor*, *Pipplot*, *Makram* прийти к **Kailasaari*, **Piikälüoto*, **Matalarauma*? Здесь анализ ранних форм наименования связан с выбором альтернативных возможностей. Не следовало ли учитывать их уже в пре-

дущих разделах? Относительно правил субституции автор определяет, что они являются своего рода итогом этимологических разысканий. С такой точностью статус правил изменения слоговой структуры не сформулирован. На с. 39, правда, сказано, что правила реконструкции базируются на обнаруженных в выясненных топонимах изменениях, и они дополнялись по мере поступления нового материала. Представляется, правда, что в формировании правил, касающихся изменений слоговой структуры, сыграли свою роль и старые фиксации, и имеющиеся этимологии, и знание финских топонимов, и т. д.

За самой современной главой работы следуют выполненные в более традиционном плане разделы. Наиболее обширно представлены и проанализированы финские элементы в реконструированных формах топонимов. Описание каждого топонимического элемента напоминает статью справочника, в которой приведены наименования с этим элементом, при необходимости — ссылки на правила реконструкции в первой главе, более ранние фиксации; указано, употребляется ли элемент в качестве как первого, так и второго компонента или только в одной позиции. Далее помещены сведения о распространении апеллятивных соответствий и топонимического элемента, разбор семантики апеллятивного соответствия, оценка семантической совместимости апеллятивного соответствия и элемента топонима, исходя из объекта номинации. Автор начинает с таких обозначающих объекты природы слов, как *salo* (первоначально 'остров'), *saari*, *luoto* и т. д., которые чаще других служили объектами номинации, были детерминантами. В этом разделе работы тоже много иллюстраций, карт и схем распространения, а также реконструкция линии побережья времени возникновения топонимов. Можно отметить, что этот раздел предлагает много материала для традиционного исследования топонимики. В связи с элементом *salo* хотелось бы обратить внимание на то, что здесь информант не достаточно точен. Со ссылкой на нижеподписавшегося утверждается, что на территории внутриматериковой Эстонии встречаются топонимы на *-salu*. Это верно. Целесообразнее все же сослаться на тот факт, что в большом количестве они обнаруживаются и на побережье.

Последняя глава содержит выводы и синтез всего изложенного. Здесь же рассмотрен возраст топонимов. Частично возникли они за пару столетий до прихода шведских поселенцев, частично еще раньше. С помощью анализа топонимов автор установила, что до прихода шведов на островах уже существовало постоянное население. Достаточно убедительно по-

казала она, откуда пришли на острова финские поселенцы.

В итоге можно констатировать, что топонимика Финляндии обогатилась ценным по содержанию и безукоризненным по техническому исполнению исследованием. Сфера применения и влияния этой работы выходит далеко за рамки изучения топонимии двуязычных территорий Финляндии и вообще финской ономастики.

ВАЛДЕК ПАЛЛЬ (Таллин)

Muusa Ojanen, Adjektiivikategoria venäläis-lyydiläisissä kontakteissa. Lingvistinen interferenssitutkimus, Joensuu 1985 (Joensuun yliopiston humanistisia julkaisuja 4) (MSFOu 188), 312 с.

Межъязыковые контакты пользуются постоянным вниманием исследователей уже потому, что способствуют выявлению происхождения слов. Начиная с 1950-х годов, когда были опубликованы выдающиеся труды У. Вайнрайха и Э. Хаугена, заметно стремление рассматривать язык как единое целое, т. е. с учетом фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики и семантики. На перемещение слов и языковых элементов вообще из одного языка в другой могут влиять и экстралингвистические факторы (напр., экономические, политические, социальные). При этом межъязыковые контакты никогда не бывают односторонними, в большей или меньшей мере оба языка воздействуют друг на друга. Создание целостной картины тем самым требует от исследователя многого. Прежде всего необходимо уметь ориентироваться в фактах современного языка. Однако для правильной интерпретации их следует знать историю языка, а также и положения общего языкознания.

М. Оянен впервые в отношении прибалтийско-финских языков анализирует влияние русского языка на всех языковых уровнях. Как объект влияния рассматривается людиковское наречие карельского языка, причем автор ограничивается категорией прилагательного. В качестве корпуса исследования использованы людиковские диалектные тексты: P. Virtanta, *Lyydiläisiä tekstejä I—V*, Helsinki 1963—1984 (MSFOu 129—132, 165). Правда, это рассказы одного человека,

т. е. идиолект Стефана Хуотаринена, но автор убедительно показала, что данное обстоятельство здесь не существенно. Ведь в ее задачу не входит выяснить, сколько (в числовом выражении), например, в людиковском наречии заимствованных из русского языка прилагательных. Гораздо важнее, каковы они, когда и как употребляются, как русская категория прилагательного в целом повлияла на таковую в людиковском наречии. Таким образом исследование М. Оянен целесообразно ограничено как по теме, так и по объему.

Однако успех любой работы в определенной мере зависит от личности ее автора. М. Оянен, которая наряду со многими другими проблемами, не могла обойтись и двуязычия, сама тоже двуязычна. Владение русским языком позволило ей углубиться в соответствующую научную литературу, изданную в СССР, а владение финским — быть в курсе новейших финских исследований, например, по синтаксису. Поражает умение автора в нужном месте и в необходимом объеме давать информацию из источников на русском и других языках, идет ли речь о категории прилагательного в русском языке, о различных точках зрения или дефинициях, фактах истории языка и т. д. Автор не только сопоставляет, но и подбирает, осмысливает или переосмысливает то, что наилучшим образом отвечает ее видению языковой ситуации.

Рецензируемая работа весьма насы-